

ПАМЯТИ ДРУГА И УЧИТЕЛЯ (о Степане Шилове)

Утром 24 февраля 2010 года не стало Степана Шилова, через несколько дней, 6 марта, ему исполнилось бы всего 38 лет. Когда в деканате истфака Курганского госуниверситета раздался звонок от одного из его учеников и друзей (как-то сложилось, что почти все его ученики становились его друзьями) Вани Скородумова с этим известием, никто не поверил. Только после звонка в больницу, куда его увезли с болями в сердце накануне утром, внезапно эта горькая правда стала очевидной, хотя и до сих пор, даже после «сорокового дня», поверить в нее невозможно. Так и кажется, что вот придешь в его кабинет, который он занимал как руководитель археологической лаборатории, а он там и обязательно пошутит или о чем-нибудь расскажет, а потом мы сядем обсуждать новый полевой сезон, которого он так ждал и не дождался.

Со Степаном мы познакомились в декабре 1992 года, когда я еще учился в 9 классе. К нам на урок истории пригласили М. П. Вохменцева, который в то время заведовал археологической лабораторией пединститута. После урока он пригласил всех присутствующих посетить это загадочное для нас место. Когда вечером мы с несколькими друзьями пришли, то увидели небольшую комнату в подвальном этаже корпуса, которая до потолка была заполнена коробками с находками. За одним из столов сидел Степан, студент 4 курса истфака. В дальнейшем именно он проводил у нас все занятия, к которым присоединился и Саша Кайдалов, после окончания вуза возглавивший археологическую экспедицию областного краеведческого музея.

Степа до самой смерти большое внимание уделял работе со школьниками, формируя из них будущих исследователей, которые даже если и не поступали на истфак, то все равно оставались друзьями лаборатории и экспедиции, оказывая постоянную поддержку. Обладая харизмой, он умел заражать своим интересом к древностям всех окружающих. Степа неоднократно рассказывал, как еще в детстве

приносил домой найденные на улице кости и черепки, чем всегда удивлял своих родителей, которые сами, будучи геологами с большим опытом экспедиций, относились к этому увлечению снисходительно. В дальнейшем его интерес к работе со школьниками не угасал, он неоднократно вывозил школьные делегации на УрАШКи или вместе со студентами на УПАСКи. Юбилейный десятый УрАШК мы организовывали вместе в Кургане, на базе его родной гимназии № 47.

Летом 1993 года он вывез весь свой кружок в количестве более 20 человек на раскопки курганного могильника Слободчики-1, расположенного недалеко от легендарного для многих курганцев «Савина». Для многих из нас эти раскопки стали первыми в жизни. Истории о них вошли в фонд легенд курганской экспедиции. Особенно история о том, как уже в один из последних дней работы в находящейся рядом деревне сорвался с цепи бык Борька, который прибежал к раскопу и в течение получаса гонял всю экспедицию по отвалам вокруг одного из раскопанных курганов, чем не только перепугал нас всех, но и полностью засыпал чистовую зачистку для итогового фотографирования.

В этой экспедиции впервые началась отработка театрального действия под названием «Посвящение в археологи», которое продолжалось по несколько часов. В дальнейшем уже на студенческих практиках этот праздник стал занимать до половины последнего дня экспедиции, и для многих участников именно это посвящение означало признание за ним статуса студента и взрослого человека. С 1996 года к нему добавили и особую церемонию «посвящения в сахемы». Первых Степных сахемов (как их иногда называли в дальнейших экспедициях «старшие сахемы») было всего семь человек, из них трое – Денис Маслюженко, Саша Кайдалов и Лена Рябина — до сих пор остаются в археологии, да и другие очень часто приходили в гости к Степану, обсуждали с ним свои дела и проблемы. Как это ни странно, при постоянном росте нагрузки у него всегда хватало времени, чтобы с каждым поговорить, выслушать, посмеяться вместе над проблемами. Все это обеспечивало ему любовь и уважение со стороны всех студентов. Кстати, на протяжении последних семи лет работы он был еще и бессменным куратором всех первокурсников-историков. Представить без него новое поколение факультета было просто невозможно, студенты всегда стайкой ходили за ним, а он себя иногда чувствовал «дядей Степой» из знаменитого стихотворения.

По возвращению из экспедиции многие из нас оставили свое сердце и душу в полях. В то же время повседневность была такова, что М. П. Вохменцев перешел осенью 1993 года на работу в музей, перевозя туда все коллекции. Лаборатория осталась без руководителя. Новым заведующим стал Степан, и последовало участие в памятных раскопках в Свято-Троицком Далматовском монастыре, где епархия искала спрятанную в годы революции гробницу св. Далмата.

В 1994 году после окончания института Степан поступил в аспирантуру и стал преподавателем кафедры всеобщей истории, где с самого начала читал курс археологии. Перед ним встала трудная задача. Было принято решение о необходимости восстановления полноценной полевой археологической практики. Трудность выполнения этой задачи была в том, что полностью отсутствовало финансирование, и при этом студенты имели право выбора практики. В экспедицию все студенты привозили из дома продукты, и уже из всего собранного в «общий котел» дежурные должны были что-нибудь приготовить. В ходе первых самостоятельных раскопок в 1995 году было проведено две смены по 14 дней. Первая смена раскапывала оленя-мегацероса (естественно, что студенты это название сразу же переделали в другое слово) по заданию музея, а вторая работала на дюнных стоянках у с. Грызаново, где за всю смену практически ничего не было найдено, но зато сформировались многие традиции курганской экспедиции, в частности, те песни, которые так любил петь Степа и которые разучивали все ее участники.

В 1996 году экспедиция почувствовала себя достаточно сильной, чтобы приступить к раскопкам более крупных памятников, таких как поселение Дачное. Добрые отзывы студентов-старшекурсников о теплой дружеской атмосфере в экспедициях, а иногда и слова о том, что, не побывав там, нельзя считать себя историком, привели к тому, что количество желающих участвовать в них выросло с 10–15 до 30–40 человек. Уже в 2000 году на Алакуле за 50 дней поработало около 175 студентов и школьников. Большинство из них были добровольцами, но и вуз к этому времени признал необходимость финансирования экспедиций, которые становились одним из важнейших брендов университета в регионе.

Затем последовали раскопки Субботинского могильника поздней бронзы, могильника Гладунино раннего железного века. В 1999 году Степан принял решение о необходимости раскопок эпонимного Алакульского могильника. Обсуждение их результатов было сложным, а их восприятие частью спе-

циалистов — негативным. Несомненно, что его борьба за лабораторию в том виде, каком он ее представлял, за родную для него экспедицию, без которой он не мог представить не только учебный год, но и всю свою жизнь, тоже не прошли для него бесследно. Ведь если студенты работали у него не больше 8 часов в день, а сахемы, особенно старшие, по 10–11 часов, то сам он иногда оставался на раскопе и в обед, и вечером, иногда возвращаясь в лагерь только к 10 часам вечера. А после этого он еще сидел у костра со студентами, пел с ними песни и рассказывал байки и страшные истории — он считал это частью своих обязанностей руководителя. В последние годы старшие сахемы старались брать на себя решение всех административных и финансовых вопросов, но утраченное в годы становления лаборатории здоровье было уже не вернуть. Может быть, в этом есть вина всех нас, кто его окружал, что мы не убедили его в том, что надо поберечь себя, не нашли какие-то нужные слова...

Несмотря на все это, после окончания «алакульской эпопеи» (а именно так ее называли все лаб-овцы) были задуманы и проведены раскопки поселения и могильника у пос. Дачные, а затем и трех-летние раскопки могильника Озерный-1. Сколько при этом было проведено разведок, открыто памятников и пройдено километров, как и подготовлено научных работ и дипломов студентов, сейчас даже сказать трудно. Также трудно, как и подсчитать то, что было только в планах, как, например, задуманные монографии по всем раскопанным памятникам, которые зачастую под грузом учебной нагрузки и написания отчетов оставались «голубой мечтой».

Уже в последние 3–4 года Степа часто в поле чувствовал себя плохо, у него болели то ноги, то сердце, а несколько раз прямо с раскопа его увозили в больницу. Несмотря на это, он возвращался к студентам и не мыслил себя без костра и палатки, без планов и совковой лопаты, с помощью которой он даже в последней своей экспедиции продолжал вместе с нами делать зачистку.

Наверное, мы все, кто его окружал, верили, что он вечен, как должно быть вечно все лучшее в мире, то, что дает нам надежду, то, что нас объединяет. А Степа таким не оказался. Он покинул нас слишком рано, без него все мы, кто учится, учился и работал на истфаке Курганского госуниверситета, осиротели. Вот в это верить и не хочется...

Денис Маслюженко